

Sonderdruck aus/Offprint from

Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge)
Vienna Slavic Yearbook (New Series)

Vienna Slavic Yearbook

New Series

Edited by
Stefan Michael Newerkla (Vienna) &
Fedor B. Poljakov (Vienna)

10 · 2022

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

Wiener Slavistisches Jahrbuch

Neue Folge

Herausgegeben von
Stefan Michael Newerkla (Wien) &
Fedor B. Poljakov (Wien)

10 · 2022

Harrassowitz Verlag · Wiesbaden

Herausbergremium / Editorial Board

Stefan Michael Newerkla (Wien), Fedor B. Poljakov (Wien)
Juliane Besters-Dilger (Freiburg i. Br.), Michael Düring (Kiel), Lazar Fleishman (Stanford CA),
Jasmina Grković-Major (Novi Sad), Robert Hodel (Hamburg), Anna Kretschmer (Wien),
Roman Krivko (Wien), Aleksandr M. Moldovan (Moskau), Ulrich Schmid (St. Gallen),
Barbara Sonnenhauser (Zürich), Michael Wachtel (Princeton NJ), Alois Woldan (Wien)

Beratungsgremium / Advisory Board

Anatolij A. Alekseev (St. Petersburg), Konstantin M. Azadovskij (St. Petersburg), Leonard H. Babby
(Princeton NJ), Neil H. Bermel (Sheffield), Jan Ivar Bjørnflaten (Oslo), Nikolaj A. Bogomolov (Moskau) †,
Jonathan Bolton (Cambridge MA), František Čermák (Prag), Dagmar S. Divjak (Sheffield), Hana Filip
(Düsseldorf), Stanisław Gajda (Opole), Christian Hannick (Würzburg), Urs Heftrich (Heidelberg),
Hubertus F. Jahn (Cambridge), Gun-Brit Kohler (Oldenburg), Alexander Kulik (Jerusalem), Marek
Łaziński (Warschau), Aleksandr V. Lavrov (St. Petersburg), Gail Lenhoff (Los Angeles CA), Aleksandar
Loma (Belgrad), John E. Malmstad (Cambridge MA), Roland Marti (Saarbrücken), Natalia Mazur (St.
Petersburg), Marek Nekula (Regensburg), Gerhard Neweklowsky (Wien/Klagenfurt), Aleksandr L. Ospovat
(Moskau), Kathleen Parthé (Rochester NY), Aleksej Pentkovskij (Moskau), Angela Richter (Halle a. d. Saale),
Anna Sergeeva-Klyatis (Moskau), Galin Tihanov (London), Svetlana M. Tolstaja (Moskau), Vera Tolz-
Zilitinkevic (Manchester), Vittorio S. Tomelleri (Macerata), Ludger Udolph (Dresden), Tomas Venclova
(New Haven CT), Ilya Vinitsky (Princeton NJ), Josef Vintr (Wien), Ronald Vroon (Los Angeles CA),
Andrew B. Wachtel (Bishkek/Almaty), Andrei L. Zorin (Oxford)

Redaktionelle Mitarbeit / Editorial Assistance

Mariam Appel / Thomas Mikula (Wien)

Sämtliche Korrespondenz mit der Redaktion und Einsendungen erbeten an /
Please send enquiries and contributions to the Editorial Board to the following address:
jahrbuch.slawistik@univie.ac.at

<http://slawistik.univie.ac.at/wiener-slavistisches-jahrbuch>

Bibliografische Information der Deutschen Nationalbibliothek
Die Deutsche Nationalbibliothek verzeichnet diese Publikation in der Deutschen Nationalbibliografie;
detaillierte bibliografische Daten sind im Internet über <https://www.dnb.de/> abrufbar.

Bibliographic information published by the Deutsche Nationalbibliothek
The Deutsche Nationalbibliothek lists this publication in the Deutsche Nationalbibliografie;
detailed bibliographic data are available on the internet at <https://www.dnb.de/>.

<https://www.harrassowitz-verlag.de/>

© Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG, Wiesbaden 2022

Das Werk einschließlich aller seiner Teile ist urheberrechtlich geschützt.

Jede Verwertung außerhalb der engen Grenzen des Urheberrechtsgesetzes ist ohne
Zustimmung des Verlages unzulässig und strafbar. Das gilt insbesondere für Vervielfältigungen jeder Art, Übersetzungen, Mikroverfilmungen und für die Einspeicherung
in elektronische Systeme.

Gedruckt auf alterungsbeständigem Papier

Umschlag: Tatjana Beimler (Flomborn), Satz: Mariam Appel (Wien)

Druck und Verarbeitung: Memminger MedienCentrum AG

Printed in Germany

ISSN 0084-0041

ISBN 978-3-447-18166-2

eISSN 2224-8846

eISBN 978-3-447-39333-1

INHALT / CONTENTS

Artikel / Articles

Dagmar Christians (Bonn)

Die Verehrung der Kirchenväter in den ihnen gewidmeten Akoluthien
des ostslavischen Gottesdienstmenäums1

Walter Koschmal (Regensburg)

Spiegelungen. Zur Spezifik des Donautextes27

Игорь Пильщикова (Лос-Анджелес / Таллинн)

Нас sunt Roma: «Воспоминания» и «Рим» Баратынского как фрагменты
«римского текста» европейской поэзии44

Carmen Sippl (Wien)

Menschengesichter, Charaktermasken
Zu Alexander Eliasbergs *Bildergalerie zur russischen Literatur* (1922)71

Аркадий Блюмбаум (Санкт-Петербург)

Еще раз о «спасении природы»:
Александр Блок, Владимир Соловьев и понятие «культуры»92

Андрей Устинов (Сан Франциско) /

Галина Бабак (Вена / Харків)

Харьковский кружок «формалистов» и ОПОЯЗ114

Elias Moncef Bounatirou (Wien / Bern)

Das Kroatische während des Ustaša-Regimes (1941–1945) –
ein Forschungsproblem
Zur Erforschung der Sprache der fiktionalen Prosa
am Beispiel des Romans „Giga Barićeva“137

Pavel Sojka (Prag)

- Morphologische Varianz im heutigen Standardtschechisch –
am Beispiel der Personalendungen *-me* und *-m* in indikativen
Verbformen der 1. Person Plural163

Materialien und Editionen / Materials and Editions**Елена Обатнина (Санкт-Петербург)**

- Неизвестная статья Константина Мочульского / Алексея Ремизова
(мотивация сокрытия имени как ключ к атрибуции текстов)179

Юлия Янчаркова (Прага)

- «Я уже потусторонний зритель, далекий...».
И. Е. Репин, Н. П. Кондаков и Чехословакия195

Федор Поляков (Вена)

- Из комментариев к книге стихотворений и переводов
Эллиса «Крест и Лира» III–VI203

Андрей Устинов (Сан Франциско)

- Tertia Vigilia: К истории американского юбилея
«Слова о полку Игореве»234

Галина Пономарева (Таллинн)

- Роль ректора Ф. Д. Клемента в научной и педагогической
биографии Ю. М. Лотмана261

Alexander L. Jacobson (Princeton NJ)

- Provocateur, Pirate, Book Artist, Part II:
An Archival Description of the Alec Flegon Papers272

Rezensionen / Book Reviews**Jana Villnow Komárková (Brno / Wien)**

- Bohumil Vykypěl / Helena Karlíková / Ilona Janyšková / Vít Boček /
David Kalhous / Miroslav Vepřek, *Staroslověnské dědictví ve staré češtině*.
Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2021. 304 S.
(Studia etymologica Brunensia, 26).....286

Bettina Kaibach (Heidelberg)

Thomas Grob, Anna Hodel, Jan Miluška (Hrsg.), *Geschichtete Identitäten. (Post-)Imperiales Erzählen und Identitätsbildung im östlichen Europa.*

Wien-Köln-Weimar: Böhlau Verlag, 2021. 372 S.290

Vladislav Knoll (Prague)

Jiří Uhlíř, *Božena Němcová inspirací pro umění: (1842–2020).*

Výběrová bibliografie. Jaroměř: vlastním nákladem autor, 2021. 439 pp.294

Chronik / Chronicle**Михаил Одесский / Моника Спивак (Москва)**

Памяти ученого, памяти друга:

Магнус Юнггрен (25 октября 1942 – 20 июня 2022).....297

MATERIALIEN / MATERIALS

Неизвестная статья Константина Мочульского / Алексея Ремизова (мотивация сокрытия имени как ключ к атрибуции текстов)

Елена Обатнина (Санкт-Петербург)

Abstract: The essay “An Unknown Article of Konstantin Mochulsky / Aleksei Remizov: The Motivation for Hiding a Name as a Key in Attributing Authorship to Texts” is devoted to the problem of the attribution of anonymous texts of Aleksei Remizov and their classification in the section “Dubia” in creating bibliographies and describing published sources in an academic collected works edition. Using examples of the writer’s anonymous works in the émigré press, the article considers the motives for hiding a name, considering the biographical elements key in attributing texts that are published unsigned. In particular the author examines an extraordinary case where Remizov’s name was replaced by that of Konstantin Mochulsky.

Keywords: Textology, attribution, idiosyncrasy, dubia, bibliography, anonymous publications, pragmatics of literary behaviour, Aleksei Remizov, Konstantin Mochulsky

Для исследователей литературы русского зарубежья периодическая печать является ценным источником формирования основного корпуса текстов особенно в случаях, когда материалы личного архива не сохранили автографов и рукописей для текстологической сверки. Изучение творческой активности Алексея Ремизова на страницах газет и журналов эмиграции не только пополняет его библиографию, но также позволяет расширить представления о прагматике литературного поведения писателя. Процесс научной рефлексии творческого наследия известного писателя, между тем, осложнен специфической особенностью авторской стратегии, которая в контексте обстоятельств эмиграции состояла в своеобразном использовании рубрик периодики информативного характера, не требующих подписи. В частности, «безличность» новостных рубрик позволила Ремизову создать авторский жанр анонимного выступления в печати, стилистические особенности которого заключали в себе ярко выраженный индивидуальный колорит. В исследовательской литературе не раз были рассмотрены прецеденты анонимных заметок, внесших в объективно-деловой контекст газетного информирования очевидные элементы профанации жанра хроники.¹

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00007, <https://rscf.ru/project/20-18-00007/>

1 Флейшман 1999; Флейшман 2006: 182–209; Обатнина / Белоус 2005: 233–349.

С точки зрения библиографического описания или формирования содержания собрания сочинений академического образца такие тексты представляют собой проблему классификации. Названные случаи, характеризующиеся ярко-выраженной абсурдистской и игровой направленностью авторского литературного поведения, на наш взгляд, могут быть собраны в отдельный список под условным названием «Печатные мистификации».

Существуют и другие, многочисленные примеры публикаций «в ремизовском стиле», атрибуция которых неоднозначна. Предположения по поводу их принадлежности Ремизову требуют аргументированных обоснований и, соответственно, учета в библиографии в зависимости от степени верификации авторства. В этом смысле книга «Мерлог», представляющая собой коллекцию авторских выступлений в повременной печати, с одной стороны, разрешила часть вопросов об авторстве публикаций без подписи и публикаций под псевдонимами,² а с другой, – подтвердила значимость таких журналистских жанров, как информационный очерк или дискуссионная заметка, позволявших писателю быть равноправным участником культурного и литературного процесса русской эмиграции, оставаясь в поле читательского внимания. Однако «Мерлог» объединила далеко не все факты ремизовского присутствия на страницах эмигрантской периодики, которое он либо скрывал, либо камуфлировал.

Проблема атрибуции анонимных текстов Ремизова актуальна как для формирования корпуса основных произведений, так и для классификации выявленных печатных источников по степени их аутентичности. В этом ракурсе рассмотрения особая роль отведена разделу *Dubia*. Функция этого классификатора (помимо сведения сомнительных текстов) состоит также в обособлении множества небольших выступлений в печати, определение авторства которых остается спорным, от подтвержденных автографическими источниками произведений, расположенных в основном корпусе.³ Критерием определения «дубиальных» текстов для нас служат текстологические принципы собраний сочинений академического образца, согласно которым неавторизованные тексты являются материалом для раздела *Dubia* (учитывая дискуссионность проблемы), если проведен стилистически-лексический анализ текстов, соотносимый с другими произведениями писателя, имеются косвенные подтверждения его причастности к факту публикации, однако авторизованные автографы не выявлены. Таким образом,

2 Ремизов 2018: 193–206.

3 В Библиографии (Обатнина / Вахненко 2021) раздел *Dubia* представлен несколькими сомнительными с точки зрения принадлежности Ремизову случаями. В ходе уточнения материалов некоторых библиографических источников обнаружили прецеденты ошибочной атрибуции. Так, в новейшей росписи сербского журнала «Руски Архив» (Грујић / Боковић 2012) приписаны Ремизову три статьи музыковедческого характера, появившихся под псевдонимами *A. Pe u A. Re*. О безосновательности такой атрибуции см. Поляков 2013. Такой же раздел создан для новеллы «Расправа» (1917), вопрос об атрибуции которой изучен в статье: Субботин 1992. Рубрики *Dubia* удостоился и текст, опубликованный по неизвестной ранее ремизоведам неавторизованной рукописи «Повествование об отце Варнаве» (Бессмертных 1994). Последний случай более пригоден для раздела «Подделки».

текстологическая наука не позволяет нам полагаться на одни только предположения, даже если узнаваемость идеостила, так называемого «почерка» автора, на первый взгляд, не составляет проблемы атрибуции.

Яркий пример научной интуиции предоставляет нам профессионально подготовленная публикация Манфреда Шрубы. Комментарий переписки редакции журнала «Современные записки», по ходу своего доказательного контекста обратившийся к безымянной заметке, опубликованной в газете «Последние новости», поясняет, что «заметка написана, судя по вычурному стилю, скорее всего, самим Ремизовым», и корректно указывает на имя предполагаемого автора в квадратных скобках:

Во вторник, 31 марта, в «Лютеции» вечер Алексея Ремизова. Второе отделение посвящено чтению из Толстого и Гоголя. Из кого подберется в русской литературе еще такая пара? Здоровый, даже чересчур, смех Гоголя – здоровая, без порока, жизнь у Толстого. Полдневный зов, потрясший Гоголя, и его «сердечная пустыня» – полночный оклик сердца, пробудивший Толстого, и та же «пустыня» с изводящим, неотступным «зачем и почему». Общая у обоих изощренность зрения, проникающая «мир явлений»: Гоголь видит судьбинные знаки – трясущиеся тощие сухие руки и паутину «Страшной мести», оплетающий плетень «Вия», крыс «Ревизора»; Толстой те же знаки, ту же судьбу, и в черном и страшном предрассвете «Воскресенья» и в закрытой движущейся коляске князя Андрея...

Билеты продаются в «Москве», у Поволоцкого и у Рами, 56, рю Пуссен.

Б. л. [Ремизов А. М.?] Вечер А. Ремизова // ПН. 1931. 22 марта. № 3651. С. 4.⁴

Разделяя высказанную точку зрения по поводу авторства Ремизова, возьмемся аргументировать эту догадку, отметив, что анонимный текст насыщен характерными для дискурсивной манеры Ремизова оборотами речи, избранными метафорами и цитациями из произведений Гоголя и Льва Толстого. Прямые совпадения мы находим в тексте маленькой главки «Гоголь и Толстой» из книги Ремизова «Огонь вещей: Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский» (Париж: Оплешник, 1954):

Знаки судьбы у Гоголя: трясущиеся сухие руки и паутина (Страшная месь), оплетающий плетень (Вий), крысы (Ревизор). У Толстого те же знаки судьбы в черном и страшном предрассвете (Воскресение), в закрытой движущейся коляске князя Андрея (Война и Мир).⁵

Таким образом, данная заметка не только по формальным признакам схожести, но и в соответствии с аналогом из основного корпуса литературного наследия Ремизова может считаться авторским претекстом, подготовившим концептуальную основу канонической редакции. Именно это обстоятельство, подтвержденное приметамы языковой личности, выводит такого рода

4 Шруба 2011: 585.

5 Ремизов 2002: 162–163.

тексты из разряда «дубиальных» (сомнительных) и позволяет их размещать в основном корпусе текстов с соответствующей конъюнктурой составителя перед названием – [Ремизов А. М.]. Поводом считать подобные информационные сообщения собственно ремизовскими служит также простая логика размещения объявлений на страницах периодических изданий. Очевидно, что Ремизов – единственный, кто мог предоставить подробную аннотацию к программе его предстоящего вечера чтения. Тожественные по своей тематике сообщения, написанные самим Ремизовым, стали нормой печатного информирования, начиная с 1931 г. Сравним публикацию, в которой самораскрытие ремизовской литературной личности осуществляется через подробное описание процесса чтения вслух как творческой работы писателя:

Сегодня в зале «Социального музея», 5 рю Лас-Каз, метро Сольферино, чтение А. Ремизова. Начало в 9 час. вечера.

Поэты провозгласили независимость слова. Свобода музыки и живописи – само собой понятно. Лифарь показал в своем «Икаре», что танец есть танец и развивается из себя без всякой навязанной музыки. И чтение также независимо и свободно, как слово, музыка, живопись и танец, и как танец, – «танцуется», так чтение – «читается».

Отдельное слово имеет свой напев, слова – свой лад, ряд слов – ритм. Всякое произведение выговаривается по-своему и только выговаривание, а никакая игра (представление) сохраняет ритм произведения.

В традиции писателей чтение – под актера. Известны, как чтецы: Гоголь, Писемский, Горбунов, Всеволод Крестовский. Но это актерское чтение, выразительное и красочное, вносит свой ритм «игры», с обязательными и неизбежными паузами, и от словесного ритма ничего не остается.

Ремизов *читает*.

В I-ом отделении прочитает свое: рассказ из неизданной «Оли»; сказание о Аврааме из «Византийских легенд»; Слово о русской земле – из «Взвихренной Руси». Во II-м отделении: из «Майской ночи» Гоголя, из «Пошехонской старины» Салтыкова – «Тетенька-сластена», по тихости и райской безмятежности не уступающая «Старосветским помещикам», из «Мертвых душ» шекспировскую сцену – Чичиков над записями мертвых душ, как Гамлет над черепами.

Распорядительский значок – «драконический»: по зеленому со вспышкой. Особые портативные программы (из картона). Билеты от 5 до 15 фр. при входе в залу.⁶

В этом и типологически близких выступлениях в печати, учитывая вполне понятный порядок взаимодействия автора и редакции, просматривается продуманная стратегия литературного поведения Ремизова. Приведенные примеры показывают, что писатель использовал «анонимность» отнюдь не для того, чтобы скрыть свое имя, а, напротив, – для того, чтобы его авторство узнавалось не только специалистами, не только близкими литературными друзьями, но и массовым читателем. Изучение контекста его биографии начала

6 *Последние новости*. 1936. 31 марта. № 5486. С. 3

1930-х годов позволяет нам предположить, что кроме достижения эффекта узнавания, с помощью формы анонимной публикации преследовались и другие цели, оправданные третьим законом Ньютона. В критике этого времени все чаще стали раздаваться упреки в адрес писателя, касающиеся его Я-центризма: отмечалось, что Ремизов сделался героем собственной художественной прозы.⁷ Вместо внимательного анализа его приемов автометаописания с точки зрения диалектики развития современной прозы он нередко встречал суждения, опирающиеся на общепринятую норму социальной этики, согласно которой писать о самом себе – занятие, по меньшей мере, нескромное. Далеко неслучайно, что ремизовские заметки о собственном графическом искусстве, выставках его рисунков, а также анонсы вечеров чтений печатались под псевдонимом *Василий Куковников* (по имени персонажа романа «Учитель музыки», являвшегося одним из двойников автора) или анонимно. Принимая во внимания реальный контекст взаимоотношений с редакциями, напрашивается вывод о том, что публикация без подписи несет в себе дополнительную мотивацию, которая (если вынести за скобки наших рассуждений немаловажную возможность дополнительного заработка) объясняет авторское желание расширить границы внешних представлений о сущностных смыслах его творческих практик, объединявших два часто взаимосвязанных процесса – чтение и рисование.⁸ Достигнутое таким образом дистанцирование от своего «Я» создавало условия для создания образа «идеального» рецензента, который легитимировал рисовальное искусство и чтение как суть проявления творческой работы Ремизова.

Принципиально иной случай скрытого авторства стал поводом для обоснования раздела *Dubia* в пополняющейся в настоящее время библиографии Ремизова.⁹ Систематический просмотр имеющихся в библиотечных фондах Москвы и Петербурга экземпляров парижской газеты «Последние новости» принес существенное дополнение к материалам, отражающим рефлексию творчества Ремизова современниками. Новонайденная заметка К. В. Мочульского «Прощальное слово Ремизова Блоку» до сих пор оставалась на периферии исследовательского внимания и не зафиксирована ни в одном из изданий, посвященных критике и историко-литературоведческим книгам этого известного представителя русского зарубежья, ни в библиографических списках его публикаций.¹⁰

7 Отчасти эти упреки были связаны с обилием личных сновидений, которые стали предметом отдельных публикаций или наводнили ремизовские произведения второй половины 1920-гг., см. Обатнина 2021.

8 Подробнее об этом см. Обатнина 2008: 201–237.

9 Обатнина / Вахненко 2021.

10 См. издания: Мочульский 1995: 563–564; Федякин 1998: 167–181; Мочульский 1999; Коростелев / Мельников 2002.

Прощальное слово Ремизова Блоку

Блок умер 7-го августа, в день св. Гаетана <sic!>. Журнал «Числа» выпустил в единственном экземпляре книгу Ремизова «Памяти Блока». Полное ее название: A. Remisoff. La Russie sous la rafale I. A la memoire <sic!> d' Alexandre Blok. 47 dessins en blanc et en couleurs pour illustrer le poeme <sic!> «Les douze». Textes russe, français et allemand. Éditions Tchisla. Paris, 1931. Exemplaire unique.¹¹

Книга будет демонстрироваться осенью на выставке «Чисел» (выставка рисунков писателей, русских и французских). Рисунки Ремизова сделаны в 1921 году в Петербурге, за три месяца: май, июнь, июль, когда наступила роковая развязка в судьбе Блока – Блок умирал: эти три месяца была агония.

В книге «Взвихренная Русь», в главе «К звездам», Ремизов рассказывает об этих рисунках. О них сообщили Блоку, но Блок их не видел.

«Что сказать Блоку?»

«А скажите: нарисовал я много картинок – на каждый стих «Двенадцати» по картинке. А это значит, что за эти три месяца я думал о нем».

Об отношении Блока к Ремизову теперь можно судить по Дневникам и Записной книжке Блока.¹²

Картинки представляют революцию – самую ее накипь и гущу.

Внешне много опытов не профессионального, а только страстного любителя рисовать.

Есть рисунки на лиловой бумаге, на оберточной синей, есть на промокашке.

Острота, своеобразие и выразительность ремизовских рисунков – необычайны.

Выпуском книги о Блоке Ремизов начинает целый ряд иллюстрированных автором своих книг.

К. Мочульский¹³

Несмотря на всю нейтральность стилистической манеры, заметка несет в себе признаки пересказа сведений, почерпнутых в общении с писателем. Близкое знакомство Мочульского с Ремизовым началось в конце 1923 года в Париже. Свидетельство эпистолярного диалога, раскрывающее дружественность отношений, появилось в 2008 году на страницах журнала «Вестник русского христианского движения».¹⁴ Сопровождающие публикацию примечания носят «общеобразовательный» характер, поэтому мы не нашли сведений, касающихся заинтриговавшего нас недатированного письма. Приведем фрагмент

11 В других источниках выходные данные книги воспроизведены иначе: Alexei Remizov, *La Russie en tourmente: A la memoire d'Alexandre Blok dessinés en blanc et en couleur pour illustrer du poème «Les douze»*. Textes russe, français et allemand. Paris, 1931. Exs. Unique (Les Éditions TCHISLA). См. библиографические списки литературы о Ремизове за 1931 г. (Обатнина / Вахненко 2021).

12 Речь идет об изданиях: Блок 1928; Блок 1930.

13 *Последние новости*. 1931. 15 сент. № 3828. С. 5

14 Струве / Викторова: 212–219.

этого эпистолярного документа, который имеет прямое отношение к актуализированной нами проблеме «дубиальных» текстов, обнаруженных на страницах эмигрантской печати:

<конец августа – не позднее 15 сентября 1931 г.>¹⁵

12, rue Lanetelle

Paris XV

Дорогой Алексей Михайлович, ну вот – на душе легче стало. Вчера отправил Якорю Платоновичу¹⁶ заметку о Ремизове (чуть-чуть изменив Ваш текст и подпись <sic!>¹⁷ собственным именем; первый раз в жизни – плагиат и гонорар получу за чужое). Медлил я потому, что *Le Mois* на меня навалилось всей своей тяжестью (700 страниц!). <...>

Ваш К. Мочульский.¹⁸

Итак, имя настоящего автора заметки «Прощальное слово Ремизова Блоку» раскрыто в письме Мочульского, принявшего на себя роль фиктивного публикатора. Прежде чем причислить новонайденное произведение к разряду «дубиальных» в описании литературного наследия как Ремизова, так Мочульского, попробуем обосновать мотивы произведенной подмены имен. Предварительно напомним, что в истории русской литературы подобные прецеденты встречались. Причина была самой тривиальной – ради получения гонораров, и ею обычно пользовались знаменитые литературные супружеские пары – Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская, Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус. Так, молодая неизвестная еще поэтесса Гиппиус, случалось, в печати авторизовала свои стихи именем уже признанного в литературе супруга;¹⁹ получили подтверждение публикации Сологуба, созданные совместно с Чеботаревской или даже только ею одной.²⁰

В соответствии с содержанием процитированного выше письма казус Мочульского / Ремизова не зависел от денежных вознаграждений и не подтверждает соавторства. Информационным поводом для заметки послужило юбилейное, по

15 Письмо датируется по содержанию, купированной части письма, в которой идет речь о литературных событиях лета 1931 г., а также в соответствии со временем выхода из печати новонайденной заметки. В публикации 2008 г. приведена датировка, относящаяся к другому документу.

16 Подразумевается Игорь Платонович Демидов (1873–1946) – журналист, политический деятель, кадет; в эмиграции с 1920 г.; член редакции «Последние новости», помощник и «правая рука» П. Н. Милюкова.

17 Здесь мы отмечаем наши поправки в прочтении текста, не совпадающие с публикацией: Струве / Викторова 2008.

18 Amherst College. Center for Russian Culture. Alexei Remizov and Serafima Remizova-Dovgello Papers. Series 1. Box 6. Folder 8. Далее ссылки на материалы архива и фонда приводятся сокращенно: Amherst, Remizov, с указанием шифра. В публикации Струве / Викторова 2008 цитируемое письмо воспроизведено лишь частично: текст письма оборван без обозначения сокращений знаком купюры.

19 Историю подобных публикаций см. в кн.: Мережковский 2022: 905–906 (в печати).

20 См. об этом: Лавров 1997: 295–296; Павлова 2016.

существо, событие – десятилетие со дня смерти Александра Блока, и факт издания в одном экземпляре („*exemplaire unique*“) авторского альбома, объединившего тексты переводов поэмы «Двенадцать» на три европейских языка с оригинальными иллюстрациями писателя, представленными в качестве аутентичной замены вербального текста – текстом графическим. День смерти поэта 7 августа 1921 года в соответствии с личным «хронометром» Ремизова стал точкой отсчета его жизни в эмиграции, трактуемой как инобытие (вне России).²¹ По мысли писателя, для русской литературы начала XX века этот «рубеж» являлся символическим событием, отразившемся на судьбе целого поколения. Таким образом, Ремизовым была подготовлена юбилейная акция глубокого автобиографического и культурного значения. Этот смысл был раскрыт буквально месяцем раньше, в очерке «Десять лет», опубликованном 5 августа на страницах «Последних новостей».²²

В контексте «пролегомен» к проблеме формирования основного корпуса текстов Ремизова за счет неучтенных произведений вопрос о внесении в общий библиографический список публикаций рукописных альбомов и графики как авторских произведений, которые со временем образовали самостоятельное направление его творческого поиска, заслуживает отдельного внимания. Именно поэтому мы сделаем небольшое отступление от основной линии нашей статьи, посвященной атрибуции анонимных текстов и выявлению скрытых авторских мотиваций, и внесем необходимые, на наш взгляд, пояснения к факту полиграфического издания альбома Ремизова «Памяти Блока». Отпечатанный в одном экземпляре альбом экспонировался на выставке, организованной редакцией журнала «Числа». В отчетной статье, освещающей культурную деятельность редакции, Николай Оцуп писал:

После летнего перерыва группа «Чисел» устроила большую выставку писателей-художников, открытую 18 декабря председателем союза французских писателей. В организации выставки группе «Чисел» помогли частные коллекционеры, в особенности Edouard Champion, один из крупнейших в мире собирателей манускриптов и рисунков писателей. Он, Léouzon le Due, J. Monod и другие предоставили «Числам» ценнейшие экземпляры своих коллекций. Выставка продлилась до 10 января 1932 года. Выставлены были рисунки, гуаши, акварели, литографии, гравюры и картины французских и русских писателей от Гюго и Жуковского до Ремизова, Валери и других.²³

Заметим, что в этом информационном сообщении не упоминалось об исключительном и, как можно предположить, дорогостоящем издании рукописного альбома. В дополнительной информации процитированной заметки также сообщалось об участии в организации выставки М. И. Залкинды и месте проведения – галерея «L'Éroque», которая перестала существовать в начале 1932 г. В 1933 г. альбом с рисунками к поэме Блока экспонировался в специально обустроенном под графику Ремизова разделе выставки «Рисунки русских

21 Кайдалова / Примочкина 1981: 129–130; Грачева 2011: 84–101.

22 Впервые: Ремизов 1931.

23 Оцуп 1932: 254.

писателей», которая была организована Н. В. Зарецким в залах Народного музея Праги. Согласно рукописному каталогу, составленному художником, под номером 851/898 указан альбом «Двенадцать А. Блока», 48 рис., кн. IV». Между тем, библиографический уникам – печатный экземпляр альбома остается в числе не выявленных раритетных изданий. Это наводит на мысль о том, что полиграфического издания как такого не было, а в реальности существовал альбом, оформленный как бы под грифом издательства «Числа». Местонахождение оригинала в настоящее время также не установлено, но следы провенанса этого артефакта уточняются по утверждению Ремизова 1950-х гг.: «В революцию мне было легче рисовать, чем выражаться: я нарисовал “Двенадцать”, но не удалось показать Блоку. Этот мой альбом еще до войны в 1937 году я передал А. Б. Кусикову в Париже».²⁴ Характер графической манеры Ремизова в этом альбоме известен по единственному факту воспроизведения в печати на страницах журнала «Иллюстрированная Россия». Здесь 15 августа 1931 г. в составе колонки Г. Адамовича «Литературная неделя», под заголовком: «Новая книга Ремизова» был опубликован альбомный лист, датированный (ПБ / VI / 1921), который сопровождался пояснением: «Один из рисунков только что вышедшей в единственном экземпляре книги А. Ремизова “47 рисунков к “12” – выпущенной к десятилетию со дня смерти А. Блока».²⁵

Несомненно, инспирированный самим Ремизовым способ информирования, также, как и заметка «Прощальное слово Ремизова Блоку» являются документальными свидетельствами занятой писателем позиции, которая недвусмысленно обнаруживает его независимость от коллективных устремлений и решительность в осуществлении личных литературных «покупок». Шаги к размещению информации о подготовленном уникальном «издании» он предпринял еще в апреле, начав с «Современных записок». Хотя положение писателя в журнале в 1931 г. было не сказать, что привилегированным. В частности, переписка с М. В. Вишняком и В. В. Рудневым зафиксировала очередной момент обострения взаимоотношений, который на фоне груза накопленных претензий, обращенных к политике редакции «Современных записок»,²⁶ возник из ремизовской убежденности в том, что его творчество замалчивается на страницах журнала.²⁷ Тогда же, стараясь сгладить конфликтную ситуацию, Руднев, как явствует из его письма, в ответ на предложение писателя заказать Мочульскому отзыв об его альбоме «Памяти Блока», отвечал:

Буду писать К. Мочульскому, прося его рецензии на Ваши книги²⁸, в том числе и на Ваши иллюстрации к переводам Блока. (Хотя, по совести, не совсем понимаю значения рецензии на „Exemplaire unique“?) И опять-таки для этого нам вовсе не надо дополнительного мотива – т<аким> о<бразом> косвенно «отметить память 10-летия». Эту

²⁴ Кодрянская 1959: 104.

²⁵ *Иллюстрированная Россия*, № 34 (327), 15 августа, [11]. См. ниже иллюстрацию.

²⁶ См. в частности, о обстоятельствах 1926 г.: Данилевский / Доценко 2014: 440–441; Обатнина 2020: 41–44.

²⁷ См. письмо Ремизова М.В. Вишняку: Данилевский / Доценко 2014: 488.

²⁸ Мочульский 1932.

отметку мы предполагаем сделать и более прямым, непосредственным способом.²⁹

Очевидно, что под влиянием Руднева идея литературоведческого отзыва была преобразована в формат заметки о событии юбилейного значения. Летом выяснилось, что Мочульский попросил сдвинуть срок подачи текста на 1 октября.³⁰ Именно эта пролонгация не устроила Ремизова, который, как мы теперь можем догадаться, предложил Мочульскому дружескую «делку» с подменой имен и просил разместить написанный им текст в «Последних новостях». Выступить от своего имени он, очевидно, не решился, понимая, что помощник главного редактора Игорь Платонович Демидов после очерка «Десять лет» вряд ли поддержит еще одну его публикацию сходной тематики, особенно потому, что ее можно было принять за «саморекламу». Не благоприятствовали такой заметке и сложившиеся между ними взаимные антипатии.³¹ По признанию писателя, оставленному в личной переписке 1927 г., «Уг<о>рь Платоных Демидов – “Негус” и есть самый мой гонитель – “фараонова колесница” в “Последних новостях»». ³² Как видим, имя редактора склонялось Ремизовым в различных издевательских модификациях, одно из которых («Якорь Платонович») нашло место в «отчетном» письме «подставного» автора.

В свою очередь отношения между двумя «сообщниками», действительно, были тесными. В силу возрастной разницы и профессиональной взаимной заинтересованности они строились в пределах парадигмы «учитель – ученик». Молодой историк литературы, критик Мочульский оказывал Ремизову поддержку, проявляя глубокий филологический интерес к его творчеству. Результатом его историко-литературного анализа явилось описание писательской манеры как нового модуса автобиографической прозы писателя в литературе эмиграции.³³ Сохранившаяся корреспонденция приоткрывает спорадические эпизоды из истории их общения. В четырех недатированных письмах Мочульского, относящихся к осени 1931 г. – времени создания его «сводной статьи» о книгах Ремизова 1929 и 1931 гг., – читаем:

<октябрь – декабрь 1931 г.> ³⁴

Дорогой Алексей Михайлович, <...>.

²⁹ Данилевский / Доценко 2014: 494.

³⁰ Данилевский / Доценко 2014: 494-495.

³¹ Ремизов 2020: 74.

³² Ремизов 2020: 55. Ср. также высказывание Ремизова в дневнике от 19 июня 1957 г.: «Гонорар в “П. Н.” за мои рассказы из “Учителя музыки” – по самому низкому расчету. Попросить прибавки я не решался – я боялся, перестанут печатать. Но тут меня сбил Осоргин: “Надо требовать”. И я поддался Осоргину и написал Волкову о прибавке. И получил ответ не от Волкова (администратора), а сказал мне Демидов: “Ваши рассказы не для читателей нашей газеты: печатать мы часто не можем”. А о прибавке ни слова. Всякий мой приход в “П. Н.” встречался досадным “опять”» (Кодрянская 1959: 321).

³³ См. рецензию на повесть «По карнизам»: Мочульский 1932: 481.

³⁴ Датируется по содержанию: рецензии Мочульского о трех книгах Ремизова (Мочульский 1932) появились в 48-ой книге «Современных записок», вышедшей из печати в январе 1932 г.

Очень мне было хорошо у Вас в воскресенье – какой-то Вы были особенный.

Жду схемы <...>;

Дорогой Алексей Михайлович, а где же схема? Я уж начал читать Три серпа, но без Ваших указаний писать не начну <...>;

Дорогой Алексей Михайлович, милый друг!

От Вишняка через 2 недели доставить отзыв о Ремизове.

Я прочел 3 серпа (оба тома), и теперь читаю По карнизам.

О чем еще писать? Схема становится très urgent <...>;

Дорогой Алексей Михайлович,

Ваша схема опоздала: я уже послал статью в «Современные Записки»><, написал о 1) Образе Николая Чудотворца 2) 2 тома Три Серпа и 3) По карнизам. О других места не было <...>³⁵

Наконец, присмотримся к содержанию заметки «Прощальное слово Ремизова Блоку» с тем, чтобы за неимением автографа-первоисточника путем сравнения с аналогичными текстами выявить, в чем же состояли упомянутые ремизовским *vis-a-vis* минимальные «изменения». Для начала остановимся на собственно ремизовских маркерах, к которым, прежде всего, отнесем приведенную без кавычек фразу, уже известную читателю по очерку «Десять лет»: Ср. «Блок умер 7 августа, в день св. Гаэтана – имя из “Розы и Крест”».³⁶ Несомненно, авторской является и объективная информация о подготовленном издании.

За исключением символической коннотации Блока со святым Гаэтаном,³⁷ которая непременно была бы повторена Мочульским в его книге, если бы совпадение дня смерти поэта с днем тезоименитства было бы его личным открытием,³⁸ пожалуй, наиболее отчетливо заряжены ремизовской валентностью два предложения с характерными словами и синтаксическими конструкциями. В первом из них («Картинки представляют революцию – самую ее накипь и гущу») обращают на себя внимание субстантивы. В частности, «накипь» как экспрессивное определение эмоционально-психологического настроения революционной эпохи, встречается в контексте романа «Взвихренная Русь». Ср.: «...вся эта накипь старых неоплатных долгов – месть, злоба – весь этот выверт жизни и неизбежность, проклятия – революция...».³⁹ Намеренно «детское» определение рисунков – «картинки» – также характерно для ремизовского определения своей любительской графики. Ср.: «Я сижу у окна лицом к конурке, рисую картинки – “Рожицы кривые”»⁴⁰. Безыскусное описание содержания альбома («Внешне

35 Amherst, Remizov, Series 1. Box 6. Folder 8.

36 Ремизов 2003: 334.

37 О ремизовских проекциях героя драмы «Роза и Крест» на образ Блока см. в статье: Блиц 2011, содержание которой подтверждает, что мысль Ремизова, актуализировавшая образ Гаэтана, возникла в русле работы начала 1930-х гг. над главами романа «Учитель музыки».

38 Мочульский 1948: 301–354.

39 Ремизов 2000: 53.

40 Ремизов 2000: 14.

много опытов не профессионального, а только страстного любителя рисовать. Есть рисунки на лиловой бумаге, на оберточной синей, есть на промокашке») отчетливо обнаруживает авторский голос, не подбирающий специальных эпитетов.

Привнесения Мочульского, вероятнее всего, состояли в дополнении оценочной характеристики («Острота, своеобразие и выразительность ремизовских рисунков – необычайны»), да в отсылке на Дневники и Записные книжки Блока как к документальному свидетельству истории дружеских отношений Ремизова с поэтом. Не исключено, что руке «фиктивного» автора принадлежала и правка, проникшая в исходную цитату из романа «Взвихренная Русь» и содержащая намеренную речевую ошибку: «А скажите Блоку: нарисовал я много картинок, на каждую строчку “Двенадцати” по картинке».⁴¹ Нельзя исключить и стараний неуместно грамотного в данном случае издательского корректора.

Описание истории фальсификации авторства Ремизова на страницах «Последних новостей» было бы неполным, если бы мы не упомянули об известных вариантах этого текста, опубликованных в других источниках,⁴² и одном автографе, сохранившемся среди писем Ремизова журналисту и писателю В. Н. Унковскому, к которому 30 июня 1931 г. была обращена просьба:

Дорогой Владимир Николаевич.

Хочу просить Вас, пошлите в газеты заметки о выходе моей книги о Блоке. На отдельном листе выписываю данные <...>

Памяти Блока

7-го августа⁴³ исполняется 10 лет со смерти Блока. Ал. Ал. Блок умер 7 августа 1921 года. К этому дню журнал «Числа» (Париж) выпускает в единственном экземпляре книгу А. Ремизова «Памяти Блока». В книге 47 рисунков к «12» Блока. Эти рисунки сделаны Ремизовым в Петербурге в мае – июне – июле 1921 г.; в эти месяцы Блок умирал. Картинки были для Ремизова последним прощальным словом умирающему Блоку. Блок знал о этих картинках. В «Взвихренной Руси» Ремизов рассказывает об этом, вспоминая Блока.

Название книги:

Alexei Remizov. La Russie sous la rafale I. A la mémoire d' Alexandre Blok. 47 dessins en blanc et en couleurs pour illustrer le poème «Les douze». Textes russe, français et allemand. Éditions TCHISLA. Paris, 1931. Exemplaire unique.⁴⁴

Проведенная «экспертиза» убеждает нас в том, что несмотря на документальное подтверждение Мочульского фиктивности поставленной им подписи,

41 Ремизов 2000: 384.

42 См. публикации 1931 г. (Обатнина / Вахненко 2021).

43 Подчеркнуто красным карандашом рукой Ремизова.

44 New York, Columbia University, The Rare Book and Manuscript Library. Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Vladimir Nikolaevich Unkovskii Papers.

заметка «Прощальное слово Ремизова Блоку» закономерно находит свое место в специальном разделе произведений с неоднозначной атрибуцией авторства. Думается, что классификация его в разряде «Коллективное», принятом в текстологии собраний сочинений, лишено оснований, ввиду самоироничного определения Мочульского, назвавшего факт подготовленной им к печати публикации «плагиатом». Соответственно, вновь найденный текст может занять место в специальном списке раздела *Dubia* с условным заголовком «Анонимные публикации Ремизова, посвященные его авторрепрезентации», вместе с аналогичными статьями, рецензиями, объявлениями о его вечерах, книгах и рисунках, в которых выявляется авторский стиль. Отличительной атрибуцией данного текста должно стать указание на участие К. Мочульского, который все же внес свои «изменения».⁴⁵

Возвращаясь к мотиву сокрытия имени, подчеркнем, что для Ремизова затерявшаяся на страницах «Последних новостей» заметка являлась важным автобиографическим документом. Как можно убедиться, писатель был исключительно умелым организатором информационного извещения, однако в случае с альбомом им руководил не природенный инстинкт к законам читательского рынка, а, скорее, предчувствие надвигающейся личной катастрофы. Эту проблему он высказал в другом печатном выступлении, по-видимому, отвечая на подозрения, заставившие его просить Мочульского о дружеской помощи:

7 августа исполняется 10 лет со смерти Блока. Журнал «Числа» выпускает в единственном авторском экземпляре книгу А. Ремизова «Памяти Блока» – 47 рисунков. <...> выпуск книги в единственном экземпляре не снобизм и не фокус библиофила, мечтающего о библиографических редкостях, а беда, в которую попадают писатели в какие-то «десятилетия». 10 лет назад писатели в Петербурге, не имея возможности издавать книги, выдумали эти единственные экземпляры, украшая их собственными «каракулями»; книги выставлялись для обозрения в «Доме Литераторов». И теперь через 10 лет выпустить книгу, за немногими исключениями можно только за свой счет, прикрывшись какой-нибудь книжной фирмой, а если денег нет, остается довольствоваться единственным экземпляром. И эти единственные экземпляры – единственный способ заявить, что писатель еще существует на белом свете, продолжает писать.⁴⁶

В 1931 году начался бедственный период издательской «блокады», продлившийся долгих 18 лет, в течение которых в свет не вышло ни одной книги Ремизова.⁴⁷

45 Типологически близкий случай описан в контексте пушкинской эпохи в исследовании: Вацуру 2000.

46 Ремизов 1931а (номер вышел 1 августа).

47 Ср.: «С 1931 по 1949 моих книг вы не найдете. С этого года начало моей альбомной кропотли. Рукописными альбомами я продолжал свое ремесло – 18 лет. Каждый альбом, а я им счет потерял – 400? – мечта о книге» (Резникова 1980: 93).

Литература:

- Бессмертных 1994: <Повествование об отце Варнаве>. Истинное повествование о пресловутом и чудном житии предивного во иноцех Варнавы, иже иночества в невестей обители, его же имени не бе в пролозе, публ. Л. В. Бессмертных, *Новое литературное обозрение*, № 6, 11–14.
- Блищ 2011: Н. Л. Блищ, Образ А. Блока в книге А. Ремизова «Учитель музыки», *Веснік Беларускага дзярж. ун-та. Сер. 4: Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*, № 3, 15–19.
- Блок 1928: *Дневник Ал. Блока 1911 – 1913* / Под ред. П. Н. Медведева. [Ленинград].
- Блок 1930: *Записные книжки Ал. Блока* / Ред. и примеч. П. Н. Медведева. Ленинград.
- Вацууро 2000: В. Э. Вацууро, К изучению «Литературной газеты» Дельвига – Сомова. In: В. Э. Вацууро, *Пушкинская пора*. СПб., 164–178.
- Грачева 2011: А. М. Грачева, Посмертная жизнь Александра Блока в творчестве Алексея Ремизова. In: *Александр Блок: Исслед. и материалы* / Отв. ред. Н. Ю. Грякалова. Вып. 4. СПб., 84–101.
- Грујић / Ђоковић 2012: Д. Грујић / Г. Ђоковић, *Руски архив (1928–1937): Библиографија*. Београд.
- Данилевский / Доценко 2014: «Ведь и вправду: мое литературное бытие – курам на смех»: А. М. Ремизов / Публ., вступит. ст. и прим. А. А. Данилевского и С. Н. Доценко. In: «*Современные записки*» (Париж, 1920–1940): *Из архива редакцији* / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Т. 4. Москва, 433–523.
- Кайдалова / Примочкина 1981: Воспоминания о Блоке <Из огненной России. Десять лет. По серебряным нитям (Лития)> / Публ. Н. А. Кайдаловой и Н. Н. Примочкиной. In: *Литературное наследство*. Т. 92: *Александр Блок: Новые материалы и исследования*. Кн. 2. Москва, 129–142.
- Кодрянская 1959: Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*. Париж.
- Коростелев / Мельников 2002: *Критика русского зарубежья: В 2 ч.* / Сост., прим. О. А. Коростелев, Н. Г. Мельников. Подгот. текста, предисл., преамбулы – О. А. Коростелев. В 2 ч. Ч. 2. Москва.
- Лавров 1997: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова. In: *Неизданный Федор Сологуб* / Под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. Москва, 290–302.
- Мережковский 2022: Д. С. Мережковский, *Собрание сочинений: В 20 т. Т. 1. Часть 1. Стихотворения и поэмы* / Подгот. текста, статья и примеч. К. А. Кумпан. Москва (в печати).
- Мочульский 1932: Константин Мочульский, [Рец.:] Алексей Ремизов. Образ Николая Чудотворца. Алатырь – камень русской веры. УМСА-Press. Париж, 1931. Алексей Ремизов. Московские любимые легенды. Три серпа. Изд. Таир. Париж, 1929. 2 тома. Алексей Ремизов. По карнизам. Повесть. Белград, 1929, *Современные записки*. Кн. 48, 479–481.
- Мочульский 1948: Константин Мочульский, *Александр Блок*. Париж.
- Мочульский 1995: К. В. Мочульский, *Гоголь. Соловьев. Достоевский. Сборник* / Сост. и послесл. В. М. Толмачева; Примеч. К. А. Александровой. Москва.

- Мочульский 1999: К. В. Мочульский, *Кризис воображения: Статьи; Эссе; Портреты*. / Сост., предисл. и комм. С. Р. Федякина. Томск.
- Обатнина 2008: Елена Обатнина, *Ремизов: Личность и творческие практики писателя*. Москва.
- Обатнина 2019: Е. Р. Обатнина, Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: “La vie”, или жизнь «чудесным образом». Париж, 1924–1925, *Литературный факт*, № 4 (14), 8–44.
- Обатнина 2020: Е. Р. Обатнина, Этюды к творческой биографии А. М. Ремизова: 1926–1927 гг. Часть первая: «Эстето-разложенец», *Литературный факт*, № 3 (17), 8–53.
- Обатнина 2021: Е. Р. Обатнина, А. М. Ремизов в борьбе за «сон»: материалы к творческой биографии, *Русская литература*, № 1, 161–169.
- Обатнина / Белоус 2005: Е. Обатнина / В. Белоус, Берлин, 1921–1922. In: В. Г. Белоус, *Вольфила: Петроградская Вольная Философская Ассоциация, 1919–1924*. Кн. 2: *Хроника. Портреты*. Москва, 233–349 (Исследования по истории русской мысли, 11/2).
- Обатнина / Вахненко 2021: Алексей Михайлович Ремизов: Библиография (1902–2021). Авторы-составители: Е. Р. Обатнина, Е. Е. Вахненко (<http://pushkinskiydom.ru/remizov/Bibliografiya/index.html>).
- Оцуп 1932: Н. О. [Н. А. Оцуп], Выставки Чисел, *Числа*. Сборники под редакцией Николая Оцупа. Кн. 6, 253–254.
- Павлова 2016: М. М. Павлова, Материалы к библиографии Ан. Н. Чеботаревской. Литературная, художественная и театральная критика. Публицистика. Рецензии. In: Федор Сологуб: *Разыскания и материалы* / Под ред. М.М. Павловой. Москва, 733–792.
- Поляков 2013: Федор Поляков, <Рец.:> Драгана Грујић / Гордана Ђоковић, Руски архив. Библиографија. Београд 2012, *Wiener Slavistisches Jahrbuch*, N.F., Bd. 1, 310–314.
- Резникова 1980: Н. В. Резникова, *Огненная память: Воспоминания о Алексее Ремизове*, Berkeley.
- Рейсер 1978: С.А. Рейсер, *Основы текстологии*. Изд. 2-е. Ленинград.
- Ремизов 1931: Алексей Ремизов, Десять лет: Памяти А. А. Блока, *Последние новости*, № 3788, 6 августа 1931. С. 3.
- Ремизов 1931а: Василий Куковников [А.М. Ремизов], Единственный экземпляр памяти Блока. 1921–1931, *Сатирикон*, 1931. № 18. С. 8.
- Ремизов 1990: Письма А. М. Ремизова к В. В. Перемиловскому / Вступ. ст. и коммент. А. М. Грачевой; подгот. текстов Т. С. Царьковой, *Русская литература*, № 2, 197–235.
- Ремизов 2000: А. М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 5: *Взвхрѣнная Русь* / Подгот. текста и коммент. А. М. Грачевой, А. В. Лаврова, Е. Р. Обатниной, Е. Д. Резникова. Москва.
- Ремизов 2002: А. М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 7: *Ахру* / Подгот. текста, статья, коммент., указ. имен Е. Р. Обатниной. Москва.
- Ремизов 2003: А. М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 10: *Петербургский буерак* / Подгот. текста, ст., указ., коммент. А. М. Грачевой, О. А. Линдеберг. Москва.

- Ремизов 2005: А. М. Ремизов, *Огонь вещей. Сны и предсонье* / Сост., подгот. текстов, вступит. статья и коммент. Е. Р. Обатниной. СПб.
- Ремизов 2018: А. М. Ремизов, *Собрание сочинений*. Т. 14: *Звезда надзвездная* / Подгот. текстов и комментарии А. д'Амелия, А. М. Грачевой, В. Н. Быстрова, Н. Ю. Грякаловой, О. А. Линдеберг; науч. ред. тома А. М. Грачева. Москва.
- Ремизов 2020: А. М. Ремизов, «На вечерней заре». Глава из рукописи; Письма к С. П. Ремизовой-Довгелло. 1926–1927 / коммент. Е. Р. Обатниной; подгот. текста Е. Р. Обатниной и А. С. Урюпиной, *Литературный факт*, № 4 (18), 40–108.
- Струве / Викторова 2008: Письма К. В. Мочульского А. М. Ремизову / Публ. Н. А. Струве и Т. Викторовой, *Вестник русского христианского движения*, № 193 (1), 212–219.
- Субботин 1992: С. И. Субботин, К атрибуции псевдонимных сочинений из «Простой газеты», *Русская литература*, № 1, 205–215.
- Федякин 1998: С. Р. Федякин, Константин Мочульский о Ремизове и о других, *Литературная учеба*, кн. 1, январь–февраль, 167–181.
- Флейшман 1999: Лазарь Флейшман, В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского. In: *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Stanford, 145–176 (Stanford Slavic Studies, 20).
- Флейшман 2006: Лазарь Флейшман, *От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы*. Москва.
- Шруба 2011: Внутриредакционная переписка / Публ. и примеч. М. Шрубы. In: «Современные записки» (Париж, 1920—1940). *Из архива редакции* / Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. Т. 1. Москва, 135–917.

Рисунок Алексея Ремизова к поэме Александра Блока «Двенадцать» из эксклюзивного «издания» рукописного альбома «Памяти Блока»